

На правах рукописи

МИРОНОВА Диана Михайловна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИСТЕМНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2017

Работа выполнена на кафедре русского языка, русской
и зарубежной литературы, журналистики в ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
ШАРАНДИН Анатолий Леонидович

Официальные оппоненты: **БЕЛЮШАПКОВА Татьяна Владимировна**,
доктор филологических наук (10.02.01), до-
цент, ГАОУ ВО г. Москвы «Московский го-
родской педагогический университет», про-
фессор кафедры русского языка (г. Москва)

РОМАНОВА Татьяна Владимировна,
доктор филологических наук (10.02.01), про-
фессор, Нижегородский филиал ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский универ-
ситет “Высшая школа экономики”», профес-
сор департамента прикладной лингвистики
и иностранных языков (г. Нижний Новгород)

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ло-
моносова (САФУ)» (г. Архангельск)**

Защита состоится 23 марта 2017 года в 13.30 на заседании диссертацион-
ного совета Д.212.261.03 при ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный уни-
верситет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская,
181 «И», учебный корпус № 5, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библио-
теке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Дер-
жавина» и на сайте университета <http://www.tsu.tmb.ru>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Махрачева Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению репрезентации знаний о феномене системы в обыденной и научной языковой картине мира (ЯКМ). Исследование проводится на основе многоаспектного анализа способов и средств объективации концепта СИСТЕМА в современном русском языке.

Актуальность диссертации определяется связью с таким приоритетным направлением современного языкознания, как когнитивная лингвистика, которая представлена в работе теориями концептуализации и категоризации в аспекте их языковой репрезентации. Кроме того, актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки вопроса о мыслительно-языковом взаимодействии на уровне структуры, содержания и функции, а также обращением к недостаточно изученному фрагменту ЯКМ, который сочетает в себе абстрактные и конкретные, специальные и обыденные знания, связанные с одной из универсальных категорий мироздания – категорией системности.

В качестве *объекта изучения* выступают разноуровневые единицы языка и речи, в комплексе образующие номинативное поле концепта СИСТЕМА и служащие его актуализации в профессиональной и обыденной коммуникации.

Предмет исследования охватывает когнитивные и языковые основы манифестации знаний о системе в современном русском языке.

Цель работы заключается в том, чтобы выявить языковые средства и способы концептуализации и категоризации системных объектов с учётом специфики профессионального и обыденного видов познания.

Гипотезой исследования является идея о том, что языковая репрезентация знаний о системе осуществляется на основе структурно-содержательных характеристик концепта СИСТЕМА при участии когнитивных и языковых механизмов, которые совместно определяют формирование / функционирование значений, передающих информацию о системе при учёте запросов наивной либо профессиональной когниции.

Оптимальный путь к достижению поставленной цели видится нам в решении следующих *задач*:

1. Систематизировать теоретико-методологические понятия, принципы и подходы лингвокогнитивного анализа, актуальные для настоящей работы.

2. Определить критерии отбора материала и выявить вербальные репрезентации концепта СИСТЕМА, составляющие его номинативное поле в профессиональной и повседневной сферах.

3. Выяснить и описать роль единиц номинативного поля с точки зрения передачи профессиональных или обыденных знаний о системных объектах.

4. Выделить и описать вербализованные признаки, входящие в содержание соответствующего концепта на уровне специальной и наивной картин мира.

5. Установить отнесённость выявленных признаков к макрокомпонентам содержания концепта: понятийному (информационному) содержанию, образной составляющей или зоне интерпретирующих смыслов.

6. Исследовать роль этих признаков в организации категориальной структуры концепта СИСТЕМА и идентификации системных свойств у объектов действительности.

7. Представить полевую организацию знания о системе по степени яркости его компонентов в профессиональном и повседневном сознании.

8. Выявить и описать способы первичной концептуализации, лежащие в основе наименований системных объектов.

9. Проанализировать и описать способы вторичной концептуализации (интерпретации) знаний о системе в специальной и обыденной практике.

10. Провести обобщающий сопоставительный анализ полученных результатов при учёте сходств и различий между профессиональной и наивной картинами мира.

Материалом для исследования послужили ~ 6488 единиц, отобранных из лингвистических словарей, энциклопедий, печатных источников и ресурсов сети Интернет. В анализ также были включены ассоциативные данные и записи живой устной речи.

Методы исследования. Принятый в исследовании когнитивно-дискурсивный подход, а также многогранный характер заявленной цели и самого объекта обусловили целесообразность применения *комплекса методов*, среди которых общенаучные методы (описательный, сплошной выборки и количественной интерпретации данных), методы традиционного языкознания (дефиниционный, этимологический, контекстуальный, словообразовательный виды анализа), коммуникативно-функциональной (полевой метод) и когнитивной лингвистики (концептуальный анализ). Использовались также элементы фреймового моделирования концепта СИСТЕМА. Проверка соответствия полученных результатов психологической реальности проводилась с привле-

чением методов свободного (цепочечного) и направленного ассоциативного экспериментов.

Теоретико-методологическая база работы опирается на положения, разработанные в рамках лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, психолингвистики, лингвистической семантики, общего языкознания и русистики, когнитивной психологии, философской онтологии, гносеологии, эпистемологии и философии языка, общей системологии и системному анализу (П.К. Анохин, Н.Д. Арутюнова, Б.В. Ахлибинский, Л.Г. Бабенко, Т.В. Белошапкина, Л. фон Бергаланфи, А.А. Богданов, Н.Н. Болдырев, Л.М. Васильев, В.В. Виноградов, Л.С. Выготский, Р.М. Гайсина, В.З. Демьянков, Л.В. Экшембеева, А.А. Залевская, С.В. Иванова, Ю.Н. Караулов, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, Г.П. Мельников, А.М. Плотникова, З.Д. Попова, Т.В. Романова, Б.А. Серебренников, Т.А. Сидорова, Р. Солсо, И.А. Стернин, Л.О. Чернейко, А.Л. Шарандин и другие исследователи).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проводится моделирование универсального концепта СИСТЕМА как фрагмента русской ЯКМ. В опоре на факты языка / речи предлагается описание его структуры и содержания, устанавливается та когнитивная основа, сообразно с которой осуществляется первичное и вторичное представление знаний о системе в современном русском языке с учётом запросов обыденной и профессиональной практики его носителя.

Теоретическая значимость состоит в комплексном изучении средств лингвоэкспликации концепта СИСТЕМА; проведении сопоставительного моделирования данного концепта как фрагмента наивной и специальной картин мира; в прояснении способов первичной и вторичной концептуализации системных объектов на уровне языка и речи, а также в дальнейшем развитии теоретико-методологических положений когнитивной семантики на конкретном материале исследования.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования полученных результатов при разработке курсов лекций по различным аспектам русского языка и теории языка, спецкурсов по когнитивной лингвистике и другим дисциплинам гуманитарного, социального и философского циклов, обращённым к изучению картины мира. Результаты исследования могут найти применение в создании учебных пособий, содержащих конкретный языковой материал для анализа; в исследовательской и лексикографической практике, при написании квалификационных работ разного типа.

К защите предлагаются следующие *положения*:

1. В качестве стержневой единицы концептуального пространства системности выступает концепт СИСТЕМА, вбирающий в себя многообразные знания носителя русского языка об одной из фундаментальных категорий мироздания – категории системности.

2. Постигание феномена системы охватывает длительный период когнитивной практики, задействует различные мыслительные механизмы, источники информации (чувственный, предметно-практический, рефлексивный и дискурсивный опыт) и имеет наивные языковые свидетельства, начиная с индоевропейского периода. В существовании различных способов осмысления системности важную роль играет когнитивная детерминанта, под которой понимается ведущая цель познавательного процесса в ходе построения концептуальной системы.

3. Вербализация концепта СИСТЕМА в языке / речи раскрывает его существование на пересечении абстрактного и конкретного, профессионального и обыденного, объективного и субъективного видов знания. Абстрактная часть содержания выражает исходную рефлексивную природу этого концепта. Элементы конкретного содержания обусловлены работой предметно-практического мышления при освоении абстракций. Взаимодействие наивных и специальных знаний становится возможным благодаря естественной связи между соответствующими картинами мира.

4. Определяющими факторами актуализации знаний о системе за пределами научной сферы деятельности выступают универсальный статус системности в окружающем мире, традиции внеотраслевого употребления номинантов концепта (устоявшаяся в обиходе коммуникативная практика), а также массовое образование как явление современного общества.

5. Номинативное поле концепта в обыденной и научной картинах мира объединяет значения / оттенки разноуровневых средств языка и речи, которые на основе общности семантики структурируются в функционально-семантическое поле. В *ядре* содержится слово «система» в главном словарном значении. *Околоядерная зона* включает в себя единицы с архисемой 'система'. *Область ближней периферии* занимают межстилевые и разговорные слова с дифференциальным компонентом системности, а также словообразовательные средства. *Дальняя периферийная зона* концентрирует семантически сложные и преимущественно неизосемичные номинации концепта СИСТЕМА, антонимы, а также репрезентации когнитивных классификационных признаков (ККП). В области *крайней периферии* выделяются преце-

дентные тексты, окказиональные и метафорические наименования рассматриваемого концепта.

6. Результаты первичного осмысления системности запечатлены в логической и образной составляющих концепта СИСТЕМА. Информационное (логическое) содержание, по данным языка, закрепляется понятийным и категориальным форматами знания; перцептивно-образный компонент структурируется с помощью конкретных зрительных, слуховых и тактильных образов, обобщённых представлений и схем. Вторичное познание системы проявляется в наращении характеризующей зоны, возникновении идентифицирующих вторичных образов и понятийных слоёв концепта. Результаты интерпретационных процессов закрепляются, прежде всего, такими структурами знания, как аксиологическая категория, метафорический образ и частная когнитивная матрица.

7. Среди мыслительных механизмов формирования и вербализации знаний о системе выделяются операции анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования, инференции, профилирования, перспективизации, процедура сужения объёма и дефокусирование концептуальных признаков, а также их интеграция. Комплексное участие этих механизмов отвечает сложному характеру постигаемой системной сущности и позволяет строить суждения и умозаключения относительно понятия о системе. К ведущим языковым механизмам можно отнести номинативную деятельность с использованием разноуровневых единиц, развитие полисемии с преобладанием метонимии, контекстуальную метафоризацию, актуализацию значений номинантов концепта СИСТЕМА, а также их семантическое согласование с контекстом.

Апробация работы состоялась на конференциях различного уровня, среди которых Всероссийская 46-я научная конференция Чебоксар (Чебоксары, 2012), Всероссийская научная конференция «Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы» (Тамбов, 2013), XVI Международная научная конференция «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике (на материале славистики и финно-угристики)» (Саранск, 2014), Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы современной лингвистики: на стыке когнитивистики и коммуникации» (Тамбов, 2015). Основные положения диссертации отражены в 10 опубликованных статьях по теме исследования, 8 из которых представлены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы определяется задачами исследования и логической связью между ними. Диссертация включает в себя Введение, две главы, Заключение, Список использованной литературы (258 наименований) и Перечень источников фактического материала (88 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект и предмет исследования, рабочая гипотеза, цель и задачи, границы фактического материала, методы и теоретическая база диссертации, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая ценность, а также структура работы.

В **главе I «Теоретические основания исследования языковой репрезентации системности в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы»** рассматриваются теоретико-методологические позиции, существенные для изучения репрезентации системности в русском языковом сознании.

Параграф 1.1 содержит теоретическое обоснование понятий о когнитивной и языковой картинах мира в их связи с категориями познавательной деятельности, с научным и обыденным опытом познания.

Идея о сложном единстве языка и когниции при одновременной нетождественности этих двух феноменов является исходным постулатом нашего исследования. Вслед за Е.С. Кубряковой язык понимается нами как главное средство формирования, хранения, переработки и выражения человеческих знаний, сопряжённое с когнитивными категориями сознания и мышления.

Целостная и структурированная совокупность всех знаний о мире представляет собой концептуальную систему [Болдырев 2014: 39], которая в своём отношении к действительности образует картину мира (КМ) в человеческом сознании. Языковая КМ есть вербализованная часть концептуальной системы.

Глубина сущностного отражения действительности в наивной и научной КМ зависит от преобладающей *когнитивной детерминанты*, под которой в работе понимается ведущая цель познавательного процесса при построении концептуальной системы. В то время как детерминанта обыденного познания фокусирует признаки, значимые для повседневной жизненной практики, научно-теоретическая детерминанта имеет рациональный характер, направлена на построение объективного непротиворечивого знания и поэтому профилирует более полный и строгий набор сущностных признаков. Научная КМ как часть профессиональной формируется путём специальной подготовки и в отдельных компонентах осваивается наивным сознанием.

В **параграфе 1.2** раскрывается динамическая природа когниции, описываются структурно-содержательные свойства и методы изучения

ведущей единицы знания – концепта, проводится типологизация и моделируется номинативное поле концепта СИСТЕМА.

Концептуализация и категоризация рассматриваются как основные процессы познания, обеспечивающие, соответственно, выделение единиц человеческого знания и их последующую рубрикацию на основе логического либо прототипического принципов. Репрезентация этих процессов в языке обозначается терминами «языковая концептуализация / категоризация».

Концепт как ведущая многофункциональная единица мысли содержит весь комплекс знаний о некотором фрагменте опыта, обладает дискретностью, упорядоченной структурой и частично вербализуется равноуровневыми языковыми средствами, образующими номинативное поле концепта. Комплексный анализ номинантов концепта открывает путь для его научного моделирования.

В оформлении концептов различаются эмпирическая (образная), базовая (логическая) и вторичная (интерпретационная, субъективная) ступени концептуализации [Магировская 2009: 79, 81], задействующие разные источники информации и типы мышления. Выделенные в соответствии с этими ступенями образный, понятийный и интерпретационный макрокомпоненты концепта составляют его содержание, структурированное по степени психологической яркости компонентов [Попова 2010: 114-115] и способам «упаковки» в конкретном формате знания.

Концепт СИСТЕМА может быть охарактеризован как сложный универсальный концепт широкой тематики, заимствованный и абстрактный в своём происхождении, метапрофессиональный по функционированию, получающий актуализацию в русском языке.

С учётом функциональных и структурно-семантических свойств его репрезентантов возможно построение **номинативного поля** этого концепта. В качестве **ядерной** единицы выступает ключевое слово «система» в исходном значении ‘Множество взаимосвязанных элементов... образующих некоторую целостность, единство на основе общего признака, назначения’ (*Гармония как согласованное взаимодействие элементов... систем различной природы*). Изосемичные номинанты концепта с архисемой ‘система’ входят в **околоядерную зону** (центр поля) (*строй – ‘Система государственного или общественного устройства’; централизованная система, карточная система*). **К ближней периферийной зоне** относятся нейтральные/разговорные лексические и словообразовательные единицы, в семантике которых компонент системности носит дифференцирующий характер: *система – 7. ‘То, что стало обычным, регулярным (разг.)’, системщик – ‘систем-*

ный программист»; «ректорат», «марксизм-ленинизм». **Дальняя периферия** включает в себя неизосемичные и семантически сложные репрезентанты концепта, в которых идея о системе также передана дифференциальным компонентом (*воспитывать* – ‘2. Путём систематического воздействия на кого-л. формировать характер, мировоззрение, наклонности’, *доказывать* – ‘2. С помощью системы умозаключений выводить новое положение’); антонимы (*беспорядок, хаос, разг. бедлам, разг. ералаш, как придётся*); наименования категориальных признаков системы и их детализации; прецедентные тексты с ключевым словом (*Систему менять надо, система-ниппель*). **Крайнюю периферию** составляют окказиональные репрезентации системности (*операционная система природы, солнечная система художественного произведения*), крылатые выражения и паремии, связанные с этой категорией имплицитно (*Лебедь, рак и щука, Согласно стада и зверь не берёт*).

Научно маркированное номинативное поле обнаруживает меньшую репрезентативность синонимов и авторских единиц, исключает разговорные единицы с бытовой семантикой (*системка* – ‘разг. Уменьш. и уничиж. к система’; *система* – ‘То, что стало обычным, регулярным распорядком’ (разг.)). Вместе с тем расширяется его периферийная зона за счёт включения большего числа видовых репрезентаций системы и номинаций её сущностных признаков (*детерминированная / стохастическая, большая / малая система; система национальных счетов, АСУ, доменная система имён, тест-система*).

В главе II «**Репрезентация обыденных и профессиональных знаний о системе в русском языке**» представлены основные результаты изучения первичной (**раздел 2.1**) и вторичной (**раздел 2.2**) концептуализации системности в современном русском языке, полученные на собственно исследовательском этапе работы.

В **подразделе 2.1.1** путём интеграции положений из философии, психологии, искусствоведения и теории систем описываются онтологические предпосылки и когнитивные источники формирования концепта СИСТЕМА в сознании носителя русского языка.

Системность признаётся глобальным, всепроникающим способом существования материи и стоит в ряду таких универсальных категорий, как пространство, время, движение. Категория системности, постигаемая стихийно, а позднее – в плоскости науки, акцентирует преобладание упорядоченности, структурно-функциональной организованности над хаотичными явлениями [Алексеев, Панин 2005: 458-462]. По данным диахронии, ещё в индоевропейский период становления

русского языка корневые праформы *ster- и *ar(e)- в синкретичном виде фиксировали идею упорядоченного расположения чего-либо [Преображенский 1959: 240, 399].

Обыденное первичное постижение системности отталкивается от экспериенциального, сенсорного опыта и возможностей образного мышления, в рамках которого феноменология системных свойств фиксируется в виде конкретных перцептивных образов из сфер природного мира и искусства, предметно-практической деятельности и бытового уклада.

Перцептивно-образное постижение системности актуально в ходе учебно-профессиональной и производственной деятельности при использовании метода объективации, позволяющего осмыслить абстрактное с помощью образного кода (наглядные структурные схемы, визуальные модели системы). В подобных случаях «человек оперирует образами, которые несут... “прикреплённые” к ним рациональные знания» [Попова 2010: 40].

На второй, базовой, ступени первичной концептуализации происходит понятийное осмысление системы как сложного феномена, сопряжённое с вычленением и интегрированием её сущностных признаков, а также последующим установлением категориальных и других логических связей системных объектов в окружающем мире. На новом уровне в действие вступают механизмы анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования от второстепенных признаков, а также концептуальной интеграции, что ведёт к образованию понятия о системе с возможностью строить суждения и умозаключения относительно этого понятия.

В основе народной, интуитивной, логики систем лежат практически значимые фенологические наблюдения, народные приметы, отмеченные причинно-следственные связи в обществе, закономерности в области системных объектов-артефактов, мифологические и религиозные сюжеты о целесообразном устройстве мира, о судьбе как предопределении [Корнилов 2013: 285; Бухарова 2013: 87; Богданов 1989: 169].

Научно-философская концептуализация системы, востребованная в ходе учебной и профессионально-практической деятельности, ориентируется на отражение эссенциалистской стороны системы в её объективных существенных признаках, на моделирование системных объектов и выработку целостного и полного знания о них в соответствии с требованиями теоретической когниции. Концепт СИСТЕМА активно обогащается энциклопедическими когнитивными признаками, при учёте которых формулируется научная дефиниция понятия о системе, уточняются её структурные, функциональные, генетические и эволю-

ционные характеристики, общенаучные и отраслевые, принадлежащие пассивному фрагменту общенародной концептосферы.

Элементы понятийного содержания концепта приобретают материально-знаковую опору, скрепляются и передаются как единое конвенциональное знание благодаря естественному языку. Вербализованные фрагменты концепта осваиваются обыденным сознанием, прежде всего, со стороны конкретных смыслов, отсылающих к личному или коллективному физическому опыту, к определённым тенденциям, достижениям в материально-техническом развитии и производственной практике.

На уровне вторичного познания первичные представления о системе обогащаются за счёт их интерпретации с позиций индивидуального человеческого опыта.

Взятые в полном объёме, фрагменты знаний о системе образуют наиболее широкий когнитивный контекст, на фоне которого осмысливаются языковые репрезентанты концепта СИСТЕМА и который интегрирует в себе результаты образного, мифологического, предметно-практического и рефлексивного мышления, сочетает декларативные и процедурные знания о системе, элементы опосредованной и непосредственной, научной и обыденной картин мира.

Параграф 2.1.2 посвящён выявлению и анализу образного кода мыслительных репрезентаций системности.

Выявление и анализ *образной репрезентации* системы в языке проводился с использованием концептуального (семантико-когнитивного) и ассоциативного методов лингвистических исследований.

Применение первого метода позволило установить, с одной стороны, зрительные образы множества и, с другой, упорядоченного расположения предметов в пространстве, актуальные на уровне обыденного и научного языкового сознания. В дефинициях номинантов концепта такие образные признаки выражены семами 'упорядоченный', 'планомерный', 'правильный', 'закономерно расположенный' и др. под.; 'множество', 'совокупность', 'комплекс', 'группа', 'единство элементов/частей/компонентов' и др. под., соответственно.

Эксплицитный образ содержат в своём значении производные обозначения лиц, такие как «системщик¹» – 'Системный программист' и «системщик²» – 'Жарг. Член неформального молодёжного объединения' [Скляревская 1998: 588].

Психологически реальное перцептивно-образное знание о системе, с учётом субъективного опыта коммуникантов, выявлялось по данным цепочечного ассоциативного эксперимента, в котором приняли

участие 460 информантов-представителей различных возрастных и гендерных групп. В роли информантов выступили представители юношеской (лица 18-20 лет) и зрелой (лица 21-40 лет) возрастных групп, согласно периодизации психосоциального развития личности Э. Эриксона. Респондентам предлагалось, не задумываясь, указать 5 первых пришедших в голову вербальных ассоциаций.

По сравнению с более типичными представлениями, вошедшими в состав понятия, образные реакции демонстрируют значительно меньшую стереотипность. Это, в свою очередь, влечёт за собой низкую частотность и значительный разброс содержания образных реакций. Как показал концептуальный анализ ассоциатов, наибольшая доля реакций охватывает **визуальный образ** предметов или их признаков, известных из повседневной или профессиональной деятельности. Данный факт согласуется с положением когнитивной психологии о преобладании визуального канала восприятия окружающего мира [Дружинин 2002: 38; Солсо 2006: 102] и свидетельствует о наибольшей когнитивной яркости зрительных репрезентаций системы. Согласно проведённым подсчётам, доля визуальных образных признаков составила ~ 17% («система») и ~ 31,3% («системный») по двум ассоциативным полям (АП). Для иллюстрации приведём фрагмент АП «система»: *компьютер 16, капельница 12, совокупность, техника 7, матрица, сеть 6, администратор, группа, люди, Путин 4, больница, машина, паутина, пирамида, ряд, хиппи, электроника 3, автомобиль, врач, космос, робот, стадо, Сталин, числа, школа, ячейка 2.*

Тактильный образ, явленный, к примеру, ассоциатами *охлаждения 6, боли, боль, обогрева, охлаждение, укол, холодно 1* (АП «система»), составил ~ 0,5% и ~ 0,06%. Наименее представительный **слуховой образ** соответствует ~ 0,096% вербальных ассоциаций поля «система»: *курача, музыкальный строй 1.*

Возможно выделение нескольких тематических зон АП, в составе которых понятийные и энциклопедические концептуальные признаки объединяет общая онтологическая сфера. Такие тематические зоны в комплексе объективируют значимые для формирования знаний о системе сферы реальных объектов. По наблюдениям Ю.Н. Караулова, количество таких зон обычно варьируется от 5 до 9 [Караулов 2000: 194]. Выделяются следующие тематические зоны АП, указанные в порядке снижения психологической яркости: 1) *сфера компьютерных технологий* (~ 16% и ~ 71% ассоциативного образа, рассчитанного по двум АП), 2) *технические средства* (~ 14% и ~ 6%), 3) *наука и образование* (~ 16% и 1,2%), 4) *медицина* (~ 7% и ~ 0,35%), 5) *государст-*

во (~ 5% и ~ 0,7%). Соответствующие перцептивные признаки фиксируются не менее чем у 5% опрошенных и, следовательно, входят в ядро концепта [Черкасова; см. также: Сергиева 2012: 117].

Влиянием устойчивой сочетаемости обусловлена сравнительно высокая частотность синтагматических, или прецедентных, реакций вроде *уравнений/уравнения, координат/координаты, город, зеркал; блок, администратор, аналитик, программист* в ответ на стимул «система». В таких примерах стратегия ассоциирования ориентируется на звуковую форму.

Многие ассоциаты демонстрируют соотносительность перцептивного кода с общеизвестными фрагментами понятия о системе. В качестве критерия отнесения реакций, скорее, к обыденному, чем специальному уровню ассоциативной стратегии выступила манифестация энциклопедических смыслов в ответах не специалиста и фиксация данных лексем в толковых словарях [Ефимова 2015: 6, 14]. Первый ряд вербальных ассоциаций обнаружил соответствие ядерным дефиниционно выраженным концептуальным признакам ‘множество’ (~ 9% и 2,5% по двум АП) и ‘наличие структуры’ (~ 7,6% и ~ 2,7%), которые запечатлены в сознании конкретными образами или обобщёнными представлениями: *совокупность 7, элементы 4, группы, стадо, ячейка 2, компоненты, конгломерация, массив, собрание 1* (АП «система»); *групповой 2, дискретный, много, толпа 1* (АП «системный»); *цепь 4, паутина, пирамида, ряд 3, лабиринт, решётка 2, дерево* («родословная»), *очередь, цепочка 1* (АП «система»); *структура 7, разветвлённый, сетка, симметричный 1* (АП «системный»).

Анализ интересующих нас реакций с точки зрения корреляции образного кода с понятийными слоями концепта СИСТЕМА продемонстрировал актуализацию в ассоциативном процессе 9 из 13-ти слов, соответствующих ЛЗС базового слова. Понятийные слои, отсылающие к техносфере и компьютерным технологиям, характеризуются наиболее развитым образным потенциалом.

Доля профессионально маркированных спонтанных образов, связанных с элементами общей или частной системологии, оказалась мала (~ 3% и 2,5% по двум АП): *бесконечность, большой, большая, вертикаль, горизонталь, корневая, осей, ось, уровни, уровней, этажи 1; большой, вертикальный, уровень 4, узел 2, взрыв, обширный, широкий 1*.

Включение в анализ 50 употребительных паремий как источника интуитивных системологических знаний позволило установить гипотетический круг объектов и ситуаций, служащих отправными при формировании наивного (народного) образа в исторической перспек-

тиве концепта СИСТЕМА. Образные признаки были выделены путём концептуального анализа внутренней формы и смысла паремий. Проведённый анализ привёл к заключению о профилировании интересующих нас элементов из типичных фрагментов обыденной практики, в рамках которых на этапе донаучного мышления постигаются отдельные стороны системности окружающего мира. Так, *сфера хозяйственной деятельности* мотивирует перцептивный план пословиц косвенно отсылающих к конструктивному параметру системных артефактов (23% корпуса пословиц): *Лошадь позади телеги не ставят; Куда иголка, туда и нитка; Одной верёвочкой связаны* и нек. другие [Русские пословицы и поговорки 1994: 236]. Образ ~9% паремий отражает разнообразные *эстетические* впечатления: *Нескладно скроен, да крепко шит; Сказка красна складом, а песня – ладом* [там же: 232]. Характеристика целостности (~18%) образно манифестируется в языковом представлении *мира природы*, к примеру, *Дружный табун волков не боится; Согласно стада и зверь не берёт / Согласно стаду волк не страшен; За деревьями леса не видит* [там же: 125, 156]. Взаимосвязь целостности с функцией отмечается в формате визуальных представлений о неполной комплектности реалий *военного дела* (~13,6%): *Без воеводы не рать, а ватага, Ружьё без патрона хуже палки* [там же: 240-241].

В разделе 2.1.3 внимание сосредоточено на *понятийном формате* концептуализации системы в русском языке.

Подчёркивается *зависимость базового этапа познания системы от главенствующей когнитивной детерминанты*. Так, в научной КМ, по данным дефиниций и текстовых номинантов концепта, фиксируется около 35 понятийных признаков, в своей совокупности характеризующих свойства строения и поведения систем: ‘критерий качества (системообразующее свойство)’, ‘дискретность’, ‘структурность’, ‘связь’, ‘целостность’, ‘функциональность’, ‘неравновесность’, ‘самоорганизация’, ‘эмерджентность’, ‘эволюция’, ‘полиморфизм’, ‘эквифинальность’, ‘поведение’ и нек. другие. В истории мыслительной и языковой репрезентации системности ведущая роль принадлежит когнитивной детерминанте науки.

В наивной КМ освоены такие ККП, как ‘критерий качества’, ‘дискретность’, ‘функциональность’, ‘структурность’, ‘устойчивость’, ‘целостность’. Первые 4 из них отмечены наибольшей психологической яркостью и, как следствие, вербализуются наиболее частотно (~25%, ~13,5%, ~13%, ~12% реакций, соответственно, в АП «система»). Этимологический анализ обнаруживает «кристаллизацию» признаков

целостности и дискретности уже в первых определениях (~ VI век до н.э.) системы, сформулированных на древнегреческой почве: *συστήμα* – ‘целое, составленное из частей’ [СЭС: 1209; БАС: 856].

С опорой на понятийные признаки осуществляется идентификация, дифференциация, типологизация и моделирование систем, закрепляется дефиниция объекта-системы в терминологии конкретной профессиональной отрасли. Внутри существующих научных типологий на более глубоком, энциклопедическом, уровне познания акцентируются и детализируются рациональные признаки концепта, конструируются номенклатуры, релевантные в профессиональном сообществе. Терминологические сочетания (*реальная / идеальная, сложная / простая, гомогенная / гетерогенная, открытая / закрытая, централизованная / децентрализованная, детерминированная / стохастическая, активная / пассивная ... система*) являются ведущим средством, создающим знаковую опору для ориентации специалистов в мире систем.

В корпусе ассоциативных данных обнаруживаются профессионально маркированные (узкоспециальные и инвариантные) репрезентации конкретных системных объектов (*выделительная, молекулярная, многозначность, сбора данных, СИ, парадигма, тест-система, фитоценозов, циркуляции, экосистема* и т.д.) и их отдельных аспектов (*менеджер, период, реестр, синтаксис, ответ, узел*) (~ 2,8% реакций в АП «система»). Около 1% ассоциатов отражает способы моделирования системных объектов, а также социокультурную информацию о теоретиках частнонаучных систем (*алгоритм, модуль, разветвлённый, осей, системно-векторная психология, уравнения, чёрный ящик, Лоренц, Фердинанд де Соссюр, Дениз Медоуз*).

В обыденном сознании понятийная составляющая включает 13 концептуальных слоёв, выделенных путём обобщения существующих дефиниций системы. Архисема ‘порядок’ в составе ряда дефиниций, а также ассоциативный материал указывают на опорный характер концепта ПОРЯДОК, архаичного и исконного для русской культуры, при адаптации знаний о системе в наивной КМ.

Полисемантическая структура ключевого слова отражает процессы расширения категории системности в повседневном сознании носителей языка. Семантический инвариант (ЛСВ-1) представляет наиболее абстрактное содержательное ядро концепта СИСТЕМА, структурированное в виде фрейма. Вершинные слоты задаются признаками ‘критерий качества’, ‘дискретность состава’, ‘наличие структуры’, ‘функциональное предназначение’ и ‘целостность’. Слоты ‘устойчивость’,

‘поведение системы’, ‘условия существования системы’ и ‘оценка системы’ факультативны.

В **подразделе 2.2.1** кратко освещаются возможные предпосылки *вторичной языковой репрезентации* знаний о системе с позиции субъективной картины мира. Отмечается особое значение интерпретирующей активности мышления в процессе освоения заимствованного абстрактного концепта СИСТЕМА в русской национальной концептосфере. Признаётся, что пусковым механизмом интерпретации служит массовое образование, которое имеет результатом распространение научных системологических элементов в область повседневного сознания, что, в свою очередь, приводит к смене когнитивной детерминанты в познании системности. Попадая в сферу повседневно-практической когниции, рассматриваемый концепт подвергается воздействию детерминанты наивной концептуальной подсистемы; на первый план наиболее подчёркнуто выходит прагматический личный опыт взаимодействия коммуникантов с системными объектами. В действие вступают такие когнитивные механизмы, как сужение первичного абстрактного содержания в пользу конкретных смыслов; развитие элементов метафорической образности (идентифицирующая интерпретация), а также наращение оценочной зоны (характеризующая интерпретация). При этом именно ценностный аспект в первую очередь определяет национальную специфику освоения системности. Для русского языкового сознания механизмы конкретизации логических конструктов тем более актуальны, поскольку оно «не приемлет абстракций» и поэтому «создаёт иное миропонимание», в котором многие понятия по-своему заземляются [Маслова 2004: 249].

Когнитивные типы интерпретации соотносимы с языковыми механизмами репрезентации концепта СИСТЕМА. Так, на основе идентифицирующей интерпретационной деятельности осуществляется избирательная семантическая специализация номинантов концепта (система как *социально-политический строй, техническое устройство, компьютерная программа* и т.д.), строятся свободные сочетания ключевого слова с «метафоризирующими» лексическими единицами (*сердце советской системы, вписаться в систему, правовая система расшиталась, мотор системы образования* и т.п.). Характеризующая интерпретация представлена оценочными/квазиоценочными и эмотивными единицами (*замечательная, прогрессивная, увлекательная, удобная, эффективная система; гармония, несправедливость, обезличенность, сбой, развал системы* и т.д.). Проявление этих мыслительно-языковых сущностей в научном дискурсе ограничено детерминантной установ-

кой на получение рационального непротиворечивого знания, где личностные смыслы максимально нивелированы.

Подраздел 2.2.2 содержит *когнитивно-матричный анализ* (Н.Н. Болдырев), направленный на моделирование концепта СИСТЕМА как единицы знания интегративного типа.

Осмысление системы на фоне контекстов частной когнитивной матрицы представляет основной способ вторичного расширения понятия о системе за счёт идентифицирующей интерпретации логического конструкта 'система', определяемого как *'Множество взаимосвязанных элементов (предметов, явлений, взглядов, принципов, знаний и т.д.), образующих некоторую целостность, единство на основе общего признака, назначения'*. Центральное положение этого элемента в матрице соответствует его лексически инвариантному статусу в семантической структуре ключевого слова.

Рациональная идентификация способствует развитию мыслимой категории систем за счёт аспектных субординатных смыслов, преобладание которых в матрице обеспечивается прагматичностью предметно-практического мышления, а также спецификой освоения абстрактной сущности от общего к «ликам вещного» [Чернейко 2010: 197].

На уровне языка наблюдается специализация инвариантного значения слова «система», развитие номинативно-производных значений, конкретизирующих исходное абстрактное содержание. Когнитивная выделенность субординатной составляющей подтвердилась и при изучении ассоциативных процессов, в которых на данном уровне категоризации правомерно рассматривать ~50% вербальных ассоциаций поля «система».

Дефиниционный анализ номинантов концепта, зафиксированных в толковых словарях, даёт возможность выделить такие общезначимые концептуальные области осмысления системы, как ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО (ПРАВО, ЭТИКА), НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ТЕХНИКА, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БЫТ и МЕДИЦИНА. Анализ иллюстративных контекстов и частотности ассоциатов позволяет дополнить перечень когнитивных контекстов областями ПРИРОДА и МЕДИЦИНА.

Исторически компоненты ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА и ОБЩЕСТВО в составе матрицы СИСТЕМА являются наиболее древними, восходящими к началам репрезентации системности в древнегреческой картине мира [Анохин; Ахлибинский 1998: 171]. Те же области наиболее представительны в составе современного понятия о системе.

Развитие матрицы СИСТЕМА сопровождается перспективизацией одних и дефокусированием других характеристик концепта относительно актуального когнитивного контекста с последующим согласованием интерпретируемых и контекстуальных признаков в структуре нового знания. Так, например, признаки 'Критерий качества' и 'Целевая функциональность' актуальны в большинстве из указанных выше областей, а именно в контекстах ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, ТЕХНИКА, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, ТЕХНИКА, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, соответственно.

Содержание матрицы в общенаучной КМ скрепляет мыслимые сферы существования системных объектов, каждая из которых существенна для той или иной специальной отрасли. Первая группа контекстов тематически совпадает с областями наивной интерпретации, такими как НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ПРИРОДА и МЕДИЦИНА, однако компоненты матрицы более разработаны семантически. В качестве иллюстрации сравним интерпретации понятия «система» в отраслевом и толковом словаре: 'Совокупность, взаимосвязанных технич. объектов (приборов, машин, систем, процессов), объединённых единой целью и общим алгоритмом функционирования. Напр., С. элементов ЭВМ, С. приводов обрабатывающего центра... энергосистема...' [Большой энциклопедический политехнический словарь] vs 'Сложное техническое или электронное устройство, состоящее из механизмов, действующих согласованно'. Подробное членение компонентов матрицы на примере терминосистемы конкретной отрасли демонстрирует множество устойчивых дескрипций. Ср., например, терминологические сочетания как отражение языковой концептуализации системы в контексте КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: «автоматизированная информационная система», «административная система», «готовность системы», «доменная система имён», «живучесть АС», «защищённая система», «интеллектуальная система», «информационная сеть», «информационная система», «операционная система», «отказоустойчивая система», «система usenet», «система восстановления», «система замков и ключей» [Словарь-справочник терминов... 2014].

Собственно научными являются результаты языковой интерпретации системности в контекстах МЕТРОЛОГИЯ и ГЕОЛОГИЯ общего контекста НАУКА, зафиксированные, прежде всего, специальными словарями с отсылкой к одноимённым отраслям деятельности: Сис-

тема – ‘В метрологии... совокупность основных и производных единиц физ. величин, позволяющая выразить результаты измерений в количественной форме’ *Международная система единиц (si, или cu)...* [Новый словарь иностранных слов; см. также СЭС: 1209]; ‘в геологии – основное подразделение общей стратиграфической шкалы, отвечающее естественному этапу в развитии *земной коры* и органического мира’ [СЭС: 1209].

В подпункте 2.2.3 устанавливаются и описываются ведущие *метафорические модели*, задействованные в процессе интерпретации концепта СИСТЕМА.

Механизм концептуальной метафоры, в особенности онтологической, позволяет «заземлить» абстрактное содержание путём его приложения к миру вещей [Чернейко 2010: 202-203] и, таким образом, представляет один из способов образного кодирования ненаблюдаемого в обиходном и специальном познании. В ходе метафоризации происходит выделение, а затем проецирование избранных характеристик опорных объектов в область «системного» знания; в ходе интеграции абстрактной и конкретной концептуальных областей происходит взаимное согласование когнитивных признаков двух концептов. Данный процесс вербализуется синтагматически, при сочетании прямых номинаций концепта с «метафоризирующими» конкретными существительными, глагольными и адъективными предикатами, преимущественно – глаголами физического действия и качественными прилагательными. Фигуральный план метафоры имплицитно наделяет систему чувственно воспринимаемыми признаками.

Наиболее продуктивна онтологическая метафора, реализуемая по моделям «Система ← Вместилище», «Система ← Живое существо», «Система не механической природы ← Техническое устройство». При использовании метафоры контейнера система интерпретируется в терминах пространственно ограниченного вместилища, что можно наблюдать на примере контекстов: *Люди вписаны в политическую систему*; *Абонент находится за пределами системы*; *СМИ фактически выпали из системы рыночных реформ*; ...*Система... права... опрокидывается* [НКРЯ]; *приводит/привести в систему* [Словарь сочетаемости 1983: 508].

Модель «Система ← Дом, здание» как частный случай контейнерной модели позволяет представить систему в виде помещения (дома, здания): *Нарушителей закона надо вычищать из системы российской государственной власти*; *построение мощной финансовой системы* [НКРЯ]; *Система... перестраивается на Восток* [ЖР].

Метафорическая модель «Система ← Живое существо» и её антропоморфная разновидность «Система ← Человек» могут быть проиллюстрированы, в частности, следующими речевыми произведениями: *Мы с радостью предоставим истории судить, какая система лучше для человечества и какая выживет; У правоохранительной системы хватит мужества взяться за эти дела* [НКРЯ]; *Финансовую систему... лихорадит от нового кризиса* [Е. Ревенко, «Вести недели» от 10.06.12].

Механистическая метафора активизирует знания о фазах действия, частях и особенностях работы некоторого технического устройства, проецируемые в область абстрактных систем: *Полицейский на дороге – это просто винтик системы, с ним ругаться бессмысленно; отладить экономическую систему; демонтаж олигархической системы; нестыковка правовых систем* [НКРЯ]. На фоне прогресса в сфере IT и широкого применения компьютерных систем последние могут становиться концептуальным источником окказиональной метафоры, как, например, в словосочетаниях *операционная система природы* (о генетике); *перезагрузка политической системы* [НКРЯ].

Существенная роль конструктивного аспекта познания [Стернин 1985: 51, 153] служит психологической предпосылкой структурных метафор, в которых устройство системы идентифицируется на основе обозримых пространственных структур: *Никита вписался в эту систему; Есть аналитики для осмысления этого проекта в многополярной системе войн; многоуровневая система обучения; уровни бюджетной системы; разветвлённая система аргументов* [НКРЯ].

Модель ориентационной метафоры, основанная на пространственных оппозициях «внутри-снаружи», «центр-периферия», «верх-низ», реализуется в таких речевых фактах, как *И ...это шаги системы мер / которые направлены на то / чтобы с этим злом бороться внутри системы; Центр политической системы – президентская власть; падение капиталистической системы* [НКРЯ].

Если метафора используется одновременно и как средство выражения оценки некоторой абстрактной системы, возможно совмещение идентифицирующей и характеризующей интерпретации: *Финансовую систему... лихорадит от нового кризиса* [Е. Ревенко, «Вести недели» от 10.06.12]; *Судебная система расчеловечена; неповоротливая система жизнеобеспечения; хитроумная система советского ПВО* [НКРЯ].

В параграфе 2.2.4 излагаются результаты исследования *оценочной* составляющей знаний о системе в русском языковом сознании.

Оценка рассматривается как наиболее антропоцентричный и субъективный модус вторичного познания, лежащий в основе категоризации феномена системы в ценностной картине мира при учёте индивидуальных потребностей субъекта и стереотипов социума. Оценочная деятельность способствует «присвоению» специальных знаний о системе обыденным сознанием и, таким образом, обеспечивает дальнейшее развитие у концепта СИСТЕМА свойств метапрофессиональной мыслительной единицы.

Концептуальному анализу был подвергнут ассоциативный, а также контекстуальный материал, содержащий ключевое слово. Для решения поставленной задачи, помимо свободного, был проведён направленный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 120 человек различных профессиональных, возрастных (от 18 до 40 лет) и гендерных групп. Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Система – какая?», указав 5 спонтанных характеристик. В результате было получено 510 реакций, ~ 46% из которых являются оценочными. По данным свободных экспериментов, массивы интересующих реакций составили ~14% и ~22%. Эти показатели отражают активность ценностного познания в развитии интерпретационной зоны концепта СИСТЕМА.

Семантика оценочных репрезентантов концепта объективирует результаты аксиологической категоризации систем, в ходе которой на субординатном уровне АП оценки с помощью механизмов перспективизации, концептуальной деривации и инференции выделяются характеристики первичного знания о системе и осмысляются затем в ракурсе определённого ценностного концепта и критерия оценки (сенсорного, сублимированного, рационального). Оформляются оценочные дифференциальные признаки концепта СИСТЕМА.

Результаты этих процессов вербализуются при участии комплекса языковых механизмов, среди которых номинация интерпретируемого концепта и его конкретных характеристик (*Эта система интересна по своему интерфейсу, Эта система очистки удобна в применении* [НКРЯ]), номинация интерпретирующих оценочных концептов (*полезная, интересная, удобная, красивая, хорошая система*), актуализация значения слова и его коннотаций в контексте (*Сама система тоже достижение; чтобы выстроить систему, надо... постараться* [комментарий информанта в АЭ]), использование синтаксических конструкций с характеризующим предикатом (*Система очистки... удобна* [НКРЯ]), сравнительных конструкций (*Система «Минус 60» так же эффективна, как она популярна* [НКРЯ]), семантическое согласование при формировании смысла оценочного высказывания и ме-

тафоризация (*Умная система отопления снижает затраты человека; дырявая налоговая система* [НКРЯ]).

Анализ вербальных ассоциаций позволил конкретизировать психологически реальные критерии оценивания систем в обыденном сознании, причислив к ним утилитарный (~34,6% оценочных реакций АП «система»; ~38% оценочной зоны АП «системный» и ~28,6% оценок в АП «Система – какая?»), телеологический (~40%; ~22%; ~23,4%), обще- и частнонормативный (~43%; ~55,4%; ~34%); эстетический (~32,5%; ~34,5%; ~10,4%), этический (~13%; ~7,4%; ~5%); интеллектуальный (~15%; ~17%; ~22,4%), эмоциональный (~4%; ~1,6%; ~3%) и гедонистический (~0,7%; ~1,5%; ~2%). Профессиональная интерпретация системных объектов в научных, деловых, производственно-технических текстах характеризует систему, прежде всего, по рациональным (~70% контекстов) и, кроме того, интеллектуальному (~7%), этическому (~4%) и модально-оценочным (~19%) критериям.

Главенство рационального критерия при вынесении частной оценки классификационного признака ‘Функционирование с заданной целью’ имеет предпосылкой востребованность систем в обществе как объектов функционального класса.

Наиболее высокой аксиологической нагрузкой характеризуется идеологически окрашенный понятийный фрагмент, в рамках которого система концептуализируется как общественно-политический институт, что обусловлено неизбежным влиянием государства на жизненный уклад каждого члена общества. Подчёркнуто отрицательную оценку с точки зрения нормативного/утилитарного/эмоционального критериев получают антиправовые реалии (*беззаконие, безразличие на граждан своей страны, бюрократия, вор*), нарушение этических норм демократического общества (*агрессия, безволие, давление, зомбирование, коррупция, ложь, манипуляция, недоброе, несправедливость*), недостаточное выполнение государством регулирующей функции (*бесполезная, вяло функционирующая, крах, ненадёжная, прогнившая, устаревшая, ущербная*) и, как следствие, психологический дискомфорт населения внутри него (*зажатость, скованность, страх, тяжёлая, фобия*).

Мелиоративной оценочностью с позиции эстетического критерия отмечены структурная организация и целостность систем, осмысленные в терминах прекрасного (ср. реакции *завершённость, красота, симметричный, слаженный, скоординированный, стройная, элегантная*). Положительная характеристика ККП ‘целостность’ производится также и с телеологических позиций. Двойственный знак оценки харак-

терен для признаков 'устойчивость' и 'сложность'. Так, интерпретация устойчивости в качестве проявления желаемой нормы, порядка вызывает положительную оценку с точки зрения рациональных (*безотказная, надёжная, отлаженный, прочная, стабильная, уравновешенная*) и эмоционального критериев (*покой, спокойствие, уверенность*). Вместе с тем как показатель монотонности устойчивость интерпретируется отрицательно (*банальная, безликость, бытовуха, однообразная, неживой, серый, скука*). Интеллектуальные оценки со знаком «+» приписываются системе как привлекательному для ума феномену (*волшебный, глубокий, загадочный, изобретательный, интересная, собранный*). Однако трудность её умственного постижения находится в фокусе отрицательных оценок (*запутанная, изощрённая, непонятная, трудная*).

Выявленные аксиологические признаки концепта СИСТЕМА располагаются на шкале психологической яркости в направлении от преобладающих рациональных оценок к менее частотным психологическим; далее следуют эстетическое, этическое и гедонистическое измерения.

В **Заключении** и выводах к главам в обобщённой форме подводятся итоги работы, намечаются возможные пути и перспективы дальнейших изысканий по данной проблематике. Проведённый анализ подтвердил исходную гипотезу и позволил выделить несколько перспективных линий дальнейшей разработки темы, таких как сопоставительное и диахроническое изучение языкового картирования системности, исследование способов вербализации этой категории в различных типах дискурса, построение таксономической модели концепта СИСТЕМА и выявление по данным языка его взаимодействия с другими единицами концептосферы.

Основные выводы и теоретико-методологические положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора по теме исследования:

1. Семантические категории: динамика научных представлений и некоторые перспективы исследований // Вестник Башкирского университета. – Т. 17. – Уфа, 2012. – С. 273-279 (0,4 п.л.).

2. Когнитивная лингвистика как новая ступень становления системного подхода к языку // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – № 2. – М., 2013. – С. 31-35 (0,3 п.л.).

3. Метафоризация как источник формирования образного компонента концепта СИСТЕМА в русском языковом сознании (на материале ключевого имени концепта) // Когнитивные исследования языка. – Вып. XIV. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 890-895 (0,4 п.л.).

4. Оценочная интерпретация как способ освоения концепта 'система' в русском языковом сознании // Когнитивные исследования языка. – Вып. XVI. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 190-201 (0,75 п.л.).

5. Основные принципы существования открытых систем в зеркале лингвокогнитивных исследований // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Серия «Науки о человеке, обществе и культуре». – № I-2 (21). – Комсомольск-на-Амуре, 2015. – С. 35-41 (0,4 п.л.).

6. К изучению интуитивной концептуализации системности в зеркале русских паремий // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – № 1 (31). – Тольятти, 2015. – С. 169-173 (0,3 п.л.).

7. К исследованию форматов концептуализации системности (на материале русского языка) // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXI. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 353-357 (0,3 п.л.).

8. On the study of categorical organization of the concept «system» in the Russian language consciousness // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». – № 4. – Калининград, 2016. – С. 22-28 (0,5 п.л.).

9. Опыт исследования образной составляющей концепта СИСТЕМА в русском языковом сознании // Россия. Наука. Университет: сборник трудов Всероссийской 46-й научной студенческой конференции Чебоксар. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – С. 188-189 (0,2 п.л.).

10. К исследованию категориальной организации концепта «система» в русском языковом сознании // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике. – Вып. 5. – СПб, 2014. – С. 37-42 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 18.01.2017 г. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 1,46.
Тираж 100 экз. Заказ № 17010. Бесплатно.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, Тамбов, ул. Советская, 190г.

Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, Тамбов, ул. Советская, 190г.